

последнего типа названы в работе уточнениями.

Обособление обстоятельств тесно связано, с одной стороны, с ослаблением синтаксической связи обстоятельств с поясняемым глаголом, с другой, с усилением их самостоятельной роли в предложении, появлением у них способности совмещать функции обстоятельственного члена и второстепенного сказуемого.

Далее в работе очень подробно и всесторонне проанализированы все виды обособленных обстоятельств: образа действия, времени и места.

Как особый вид обособленных обстоятельств автором выделен и тщательно проанализирован сравнительный оборот, выполняющий функцию сопоставления двух предметов, явлений и т. д. Для выражения сравнения широко используются служебные слова. Сравнительные обороты по своей семантике близки к сравнительным придаточным частям сложного предложения. Однако в отличие от последних, сравнительный оборот является только частью простого предложения, в нем отсутствуют подлежащее и сказуемое; он занимает как бы промежуточное положение между второстепенными членами и придаточными частями сложного предложения.

В разделе об обособленных обстоятельствах уместно было бы подробнее остановиться на характеристике деепричастных групп. При более пристальном целенаправленном наблюдении здесь можно сделать довольно оригинальные выводы о сущности т. н. деепричастных оборотов, во многом отличающихся от соответствующего явления, например, в русском языке.

Одним из упущений М. З. Илькиной следует считать недостаточное использование в работе сравнительного анализа. Факты других языков представили бы богатый материал для более глубоких обобщений о природе рассматриваемой категории в мордовских языках. М. З. Илькина нередко ограничивается описанием фактов, не всегда прибегая к доказательствам и теоретическим обобщениям.

Говоря об обособленных членах предложения в мордовских языках, трудно обойти вопрос о влиянии на эту категорию строя русского предложения. Однако автора рецензируемой работы эта сторона проблемы почему-то не заинтересовала.

В работе употребляется термин «придаточные предложения». Известно, что в лингвистической литературе последнего времени рассматриваемые синтаксические единицы принято называть придаточными частями сложных предложений.

Как известно, обособлению подвергаются только второстепенные члены предложения, что делает лишним указание на это в названии темы диссертации. Думается также, что не имело смысла вводить в название темы слова «мокшанского и эрзянского».

В целом поставленные в работе вопросы решены на должном научно-методическом уровне, а выводы имеют научно-практическую ценность — они могут быть использованы при составлении научных и практических грамматик по мордовским языкам, а также в преподавании этих языков.

М. Д. ИМАЙКИНА (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.3.13>

Л. М. Безносикова, Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1977.

Вышеназванная диссертация была защищена 20 февраля 1978 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР

Л. М. Безносиковой. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук А. Туркин (Таллин).

Лексика коми литературного языка исследована довольно обстоятельно: составлены и изданы словари разных ти-

пов, монографически описаны все диалекты, изучены отдельные лексические пласты. Однако до сих пор не было специальной работы, посвященной проблеме взаимодействия литературного языка и устно-разговорной речи, роли диалектных слов в развитии и обогащении словарного состава литературного языка, и, наконец, роли писателей в активизации и популяризации богатств народной речи. В этом отношении работа Л. М. Безносиковой является первым и весьма ценным исследованием. Необходимость в таком труде вызвана насущными потребностями коми языкознания и, в частности, преподавания коми языка в школах и высших учебных заведениях республики.

Рецензируемая работа составляет 188 страниц машинописного текста, она снабжена регистром диалектных слов и приложением «Диалектные элементы в литературных источниках XIX—XX веков (систематический комментарий)».

В небольшом введении (стр. 4—11) излагаются цели и задачи, методика и источники исследования, указывается на его практическую ценность. Попутно затрагиваются вопросы о том, что такое литературный язык, норма литературного языка, диалекты и диалектизмы. В целом введение выполнено корректно, возражение рецензента вызывает лишь один момент: на стр. 9 говорится, что «со времен П. И. Саввантова по территориальному признаку в коми языке выделяют 10 диалектов». Необходимо отметить, что аналогичное диалектное деление уже существует в первом варианте словаря Н. П. Попова.¹

Первая глава содержит анализ локальной лексики в письменных источниках XIX века (стр. 12—56). Как известно, в нормализации языков важную роль играют словари. Автор подробно останавливается на лексикографических трудах прошлого столетия, высоко оценивая словари Н. П. Попова, П. И. Саввантова, Ф. И. Видемана, Г. С. Лыткина и др., сыгравшие большую роль в упорядочении коми литературного языка. Важно, что здесь акцентируется внимание на настоятельной необходимости изучения словарного богатства коми языка.

Во втором разделе первой главы рассматривается деятельность И. А. Куратова по использованию диалектной лексики в литературной практике. Творчество первого коми поэта и ученого И. А. Куратова представляет собой значительный этап в строительстве коми языка. И. А. Куратов предстает перед нами, с одной стороны, как художник, поэт, с другой, — как ученый-лингвист, стремившийся не только создать коми литературный язык, но и установить его нормы. В своем творчестве И. А. Куратов широко использовал возможности родного языка. Л. М. Безносикова довольно обстоятельно исследовала поэтическую лабораторию поэта. В произведениях И. А. Куратова отмечено 209 диалектных слов, использованных в определенных стилистических целях: для пополнения синонимических рядов, развития стилистических возможностей языка, изобразительных и экспрессивных ресурсов, обогащения фонда абстрактной и возвышенно-поэтической лексики. Анализ каждой из этих групп свидетельствует о том, что диалектная лексика служит одним из источников формирования и строительства литературно-письменной речи. Большую роль локальная лексика выполняет и при решении версификационных задач. В работе описывается, какие диалектные слова использованы поэтом при организации стихотворного текста, при создании рифмы и ритмики.

Однако в этом разделе встречаются противоречия. Так, на стр. 25 сообщается, что И. А. Куратов «широко обращался к лексике всех диалектов», эта же мысль подчеркивается на стр. 55 при подведении итогов главы. На стр. же 36 утверждается: «В середине XIX века, когда творил Куратов, диалекты коми языка были изучены слабо, поэтому у него не было возможности привлекать лексические средства других коми говоров». На наш взгляд, первое положение не подтверждается ни языковой обстановкой того времени, ни деятельностью И. А. Куратова. Поэт писал на родном средне-сысольском диалекте. Единого коми литературного языка в то время не существовало. По роду своей службы последние десять лет жизни И. А. Куратов провел за пределами Коми края. Коми язык тогда был весьма слабо изучен, диалек-

¹ А. Туркин, Русско-зырянский словарь Н. П. Попова. — СФУ XII 1976, стр. 299.

ты вообще не исследовались. В связи с этим можно говорить только о широком использовании поэтом особенностей и богатств родного диалекта.

Вторая глава посвящена строительству коми письменности и литературного языка в 20—30-е годы (стр. 57—116). В первом разделе кратко изложены решения совещаний и конференций, рассматривавших вопросы строительства литературного коми языка; приводятся мнения работников культуры о создании литературного языка, анализируется язык периодических изданий и первых школьных учебников. Л. М. Безносикова приводит более 500 диалектных слов, извлеченных из газет и журналов 1926—1941 гг. Необходимо отметить, что большое количество диалектизмов включено в словари и лексикографические справочники тех лет. В 20—30-е годы в связи с развитием коми художественной литературы происходит процесс сближения языка художественных текстов с народной речью, взаимного сближения коми диалектов, создается основной лексический фонд коми литературного языка.

В работе впервые сделана попытка проследить движение некоторых слов в литературном языке. В хронологическом порядке дается фиксация слова с его территориальными принадлежностями в лексикографических трудах, затем выясняется, когда и кем оно впервые введено в художественную литературу, кем активизировано в дальнейшем, какую функцию выполняет в произведении и сколько раз встречается в том или ином источнике.

Автором правильно отмечены основные причины активного введения диалектной лексики в словарный состав литературного языка, одна из которых — появление после Октябрьской революции в Коми крае интеллигенции нового типа — вчерашних крестьян, выходцев из деревень, имевших прочные связи с народным языком. Работая в области культуры, сотрудничая в газетах и журналах, они широко использовали слова и выражения своих говоров, активно вводили их в письменный язык. Одним из ярких представителей новой интеллигенции был В. В. Юхнин, автор первого коми романа «Алӧй лента» (Алая лента). Л. М. Безносикова анализирует язык произведений этого писателя (стр. 101—114). Продол-

жая традиции И. А. Куратова, он активизировал в своем творчестве 113 диалектных слов. В ходе анализа языка произведений В. В. Юхнина автор пришла к верному выводу: писатель считал свой родной лузский говор органичной частью общенационального коми языка, важнейшим источником совершенствования стилистики и обогащения словарного фонда литературного языка.

Интересна третья глава «Диалектные элементы в языке художественной литературы послевоенного времени» (стр. 117—169). Многочисленные примеры подтверждают тезис о том, что народно-разговорная речь продолжает служить неисчерпаемым источником обогащения лексики литературно-письменного языка, что находит отражение и в лексикографических трудах послевоенных лет. Обстоятельно разбираются словари, которые наиболее интересны с точки зрения отражения диалектной лексики. По мнению рецензента, одного небольшого абзаца для «Русско-коми словаря» (Сыктывкар 1966) недостаточно (стр. 124). Словарь был издан 12 лет назад. О нем не было ни одной рецензии в печати. На наш взгляд, словарь страдает большими недостатками, особенно в подборе слов и в переводе их на коми язык. Объем словаря (около 50 тысяч слов) по сравнению с «Коми-русским словарем» (Москва 1961) больше в два раза не столько за счет диалектной лексики, сколько за счет механического добавления русских слов.

Во втором разделе главы впервые анализируется язык прозаических произведений писателей — выходцев из южных диалектных районов — И. Г. Торопова, Н. Н. Куратовой и В. И. Безносикова (стр. 143—167). Хорошо подобран интересный материал. Современные коми писатели, следуя лучшим традициям писателей старшего поколения, продолжают привлекать диалектную лексику, расширяют словарный запас литературного языка. По данным автора, И. Г. Торопов, Н. Н. Куратова и В. И. Безносиков в своих произведениях активизировали 205 диалектных слов, из них 139 диалектизмов впервые введены в язык художественной литературы, причем 27 лексем еще не получили отражения в современных словарях. Эти данные суммированы в виде таблицы.

Заключительная часть диссертации содержит подробные выводы по всем трем главам (стр. 170—175).

Диссертация имеет большое приложение в виде отдельного тома — систематический комментарий к диалектным словам (318 стр.). Эта трудоемкая часть исследования содержит 555 словарных статей и выполнена на высоком методическом и техническом уровне. Материалы приложения найдут применение при составлении словарей и лексикографических справочников коми языка.

К сожалению, в приложении имеются некоторые опечатки в написании русских слов: *пьянник* вместо *пьяница* (стр. 89), *буераки* вместо *бураки* (стр. 133), *пуддинг* вместо *пудинг* (стр. 174) и др., а также неточности в переводе коми предложений: *Локтас Кась Вась, нинкӧм кысь* (стр. 107) следует переводить 'Придет Вася по прозвищу Кот (букв. Вася Кот), который

плетет лапти'; *Но и зонъяс Карта сиктын!* (стр. 253) — 'Ну и парни в Картасикте!'; *Пӧжар Сьӧрд пашня сайысь вӧрсӧ ставнас няръялӧ!* (стр. 267) — 'За Серд пашней пожар пожирает весь лес!'

Перечисленные недостатки не снижают достоинств рецензируемого труда, они легко устранимы. Л. М. Безносикова написала очень нужную работу, которая имеет несомненное практическое значение. Часть ее уже издана.² После незначительной доработки труд следует опубликовать полностью. Он будет полезен студентам, учителям коми школ, преподавателям вузов, газетно-издательским работникам.

² Л. М. Безносикова, Роль писателей в обогащении лексики коми литературного языка, Сыктывкар 1976 (Научные доклады, вып. 27).

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)